

Говор галочий убыл.
Встал туман над водой.
Позолоченный купол
застиляется тьмой.
От раки́т косолапых
наплывает с горы
устоявшийся запах
горьковатой коры.
В пору зрелую лета,
в тихий сумерек час
мир, исполненный света,
не уходит из глаз.
И в душе обретенья
полной темени нет,
лишь отчетливей тени
обозначили свет.

ЖЕНЩИНА

Полнота скользящих линий —
не могу глаза отвесть.
Что-то в женщинах от лилий
удивительное есть.
Вот одна, нагая, летом
из воды идет — смотри! —
золотым и тайным светом
озаряясь изнутри.
Перед женщиной махровым
клевер стелется, лилов.
Вышла на берег, и словом
поперхнулся сквернослов.

Постоял над косогором,
и взошло в душе его
чувство древнее, с которым
созерцают божество.
Пусть глядит.
И пусть не дышит.
А она встает с травы,
вся в заре, и берег слышит
пенье светлое крови.
Вот пошла легко и ровно,
в белом платье средь берез.
И светла ее корона:
лилия — в узле волос.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Всю выпив по капельке воду,
восстала над мокрой землей
синее небесного свода,
алее жар-птицы самой
царь-радуга. Чудо-ворота.
И тянет навстречу ладонь
мальчишка: уж больно охота
потрогать небесный огонь.
Он шепчет, юнец: — Подожди же! —
как будто бы ловит коня.
А конь то подпустит поближе,
то снова отступит, маня...
Уже за чужими дворами,
не веря, глядит сорванец:
царь-радуга в мусорной яме
цветной основала торец!..
Сверкая волшебю и зыбко,
уходит в заоблачный дым
не радуга — неба улыбка
над маленьким другом своим.

ЯНТАРНЫЙ СВЕТ

Когда стареет женщина,
то, словно б солнцем вечера,
с улыбочкой застенчивой
в ней девочка просвечена.
Все та же в ней дошкольница,
лишь с легшей в прядках снежностью,
сквозит. И сердце полнится
неистребимой нежностью.
Люблю, коль в зрелой женщине
себя веселость вызовет
то мимикой, то жестаи,
то хохоточком вызвенит.

Когда на миг проказница
в степенности узнается,
то — лет как нет, и кажется:
все только начинается...
Как мальчик, пляжем шествуя,
в находку смотрит любяще
и видит свет торжественный
внутри янтарной глудищи,
так я с отрадой тайною
ловлю беспереме́нчиво
зеленое светание
в уже не юной женщине.
Секреты ль утаю мои?
Мне радостно от помысла,
что мы и сами юными
своим любимым помнимся.
Теплы в такой янтарности
любви взаимной чаянья:
ни смерти нет, ни старости
до самого скончания!